УДК 327.51[94(41/99)]"1931/1939"

Зимонин В.П.

Интриги кануна Второй мировой: японский и польский факторы советско-германских отношений

Часть 2. Домыслы и правда о межвоенной политической реальности

Зимонин Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член РАЕН, профессор Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: vp-zimonin@mail.ru

Представлен авторский взгляд на ход событий кануна Второй мировой войны. Дан анализ как геополитической обстановки, в условиях которой был подписан советско-германский договор о ненападении, так и влияния на внешнюю политику СССР враждебного отношения к нему со стороны Японии, Польши и западноевропейских государств.

Ключевые слова: канун Второй мировой войны, СССР, Германия, Япония, Польша, «мюнхенская политика», фальсификация, договор о ненападении, ответственность за развязывание войны.

В западных, польских и российских «новолиберальных» публикациях проводится мысль о том, что посредством советско-германского договора о ненападении и секретного протокола к нему от 23 августа 1939 г. Сталин и Гитлер «полюбовно» поделили между собой ряд государств Восточной Европы и «медовый месяц» дружбы двух диктаторов продолжался до тех пор, пока Гитлер вероломно не напал на СССР. Пишут и о том, что именно на основе договора от 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему в 1940 г. были уничтожена Польша, присоединены к СССР Прибалтика, Бессарабия, Северная Буковина. Но если обратиться к фактам, то можно установить, что советско-германский договор о ненападении был не «полюбовной» сделкой, а вынужденной мерой советского правительства, имевшего главной целью обеспечить Советскому Союзу нейтралитет.

Когда говорят, что этот договор и секретный протокол к нему предопределили (и даже предусматривали) раздел Польши, присоединение Бессарабии, Буковины и Прибалтийских государств к СССР, то такой подход не отражает ни его содержания, ни всей сложности происходивших событий. Когда подписывался секретный протокол от 23 августа 1939 г., советско-германские отношения характеризовались неопределенностью, и было еще совершенно не ясно, как они будут развиваться. Политического курса в отношении Германии в новых условиях разработано не было. Это отразили и подписанные документы.

Тексты договора о ненападении, секретного протокола и записи бесед во время переговоров в Москве 23–24 августа 1939 г. (а они уже давно опубликованы на Западе, да и не скрываются у нас) не определяли конкретного характера будущих отношений СССР со странами Восточной Европы. В Договоре о ненападении нет никаких упоминаний о каких-либо государствах вообще, кроме Советского Союза и Германии. Что касается секретного протокола, то в нем говорилось лишь о «разграничении» сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. О каких «интересах» шла речь? Германия еще весной 1939 г. приняла решение о нападении на Польшу, чем и были определены ее интересы на ближайшее время. Советский Союз, знавший об этих намерениях и бывший не в состоянии предотвратить их реализацию, был жизненно заинтересован в том, чтобы германские войска остановились по возможности дальше от советских границ. Это и было отражено в протоколе: Германия получала гарантию невмешательства СССР в событиях в западных пределах Польши, а СССР получал гарантии в отношении этнически близких ему районов Восточной Польши, а также прибалтийских государств.

Более того, в момент подписания договора и секретного протокола советское руководство еще не определилось в деталях своей внешней политики в Восточной Европе. В то же время еще было очень неясно, какие формы примут советско-германские отношения. Известно, что при обсуждении проекта договора, составленного в Берлине, И.В. Сталин вычеркнул предложенную германской стороной преамбулу, где говорилось об установлении дружественных советско-германских отношений. Он заявил при этом, что «советское правительство не сможет представить общественности уверения в дружбе после того, как в течение шести лет СССР подвергался всяческим нападкам со стороны нацистского правительства». В свою очередь И. Риббентроп в своем меморандуме Гитлеру от 24 июня 1940 г., касаясь переговоров в Москве в августе 1939 г., пишет о «тогдашней неопределенности германо-русских от-

Японские оккупанты в Маньчжурии

Жертвы Нанкинской резни 1937 г.

Фото с сайта http://www.cnd.org/njmassacre/page2.html

Китайские солдаты переносят стволы самодельных пушек. 1940 г. Фото с сайта http://subscribe.ru/archive/country.other.japanhistory/201201/20133652.html

Советские летчики – военные советники в Китае А.М. Кравцов и Д. Тальберг

Самолеты И-16 70-го истребительного авиаполка на полевом аэродроме в Китае. 1939 г.

ношений»[1]. Об этом же свидетельствует телеграмма посла В. Шуленбурга в Берлин от 25 августа 1939 г. с просьбой В.М. Молотова упомянуть в числе рубежных рек Писсу, так как «из-за большой спешки, в которой готовился секретный протокол, в его текст вкралась неясность». Как впоследствии оказалось, эта озабоченность была вполне обоснованной: немецкие войска, несмотря на достигнутую все же договоренность, проникли на территорию Польши за пределы линии Писса – Нарев – Висла – Сан. И.В. Сталин вынужден был в беседе с германским послом В. Шуленбургом 18 сентября потребовать возвращения войск вермахта за эту линию, что и было сделано[2].

Все это говорит о неопределенности видов на будущее, недоверии со стороны СССР к Германии и атмосфере поспешности, в которой заключался договор. Еще раз подчеркнем: на позицию Москвы в начале 20-х чисел августа, в дни, когда еще только разворачивалась решающая операция советских войск у монгольской реки Халхин-Гол, серьезно влиял японский фактор.

В японских оперативных планах Монгольская Народная Республика рассматривалась как ключ к Дальнему Востоку и щит, прикрывавший весьма уязвимую Транссибирскую магистраль. Вот почему после захвата Маньчжурии последовало вторжение японцев в китайские провинции Чахар и Суйюань, занимавшие охватывающее положение по отношению к юго-восточной части дружественной Советскому Союзу МНР. Сразу же началось и широкое строительство стратегически важных железных дорог в этих провинциях[1].

Обстановка в 1939 г. и на западе, и на востоке складывалась для Советского Союза крайне неблагоприятно. После мюнхенской сделки между Германией, Японией и Италией возобновились переговоры о заключении военного союза, и правящие круги Японии питали надежду на то, что с подписанием тройственного соглашения они обеспечат себе полную германо-итальянскую поддержку с запада в случае конфликта с СССР. Вероятность войны на два фронта для Советского Союза значительно возросла. В мае 1939 г. министр иностранных дел Японии Х. Арита в беседе с американским послом откровенно указывал, что если Россия будет вовлечена в европейскую войну, то Япония «сочтет невозможным остаться вне этой войны»[2].

Японское руководство по-прежнему сильно беспокоила затянувшаяся война в Китае. Оно понимало, что одной из причин упорного сопротивления Китая являлась многообразная помощь ему со стороны СССР. Агрессивная акция Токио в районе озера Хасан не только не привела к снижению объема этой помощи, но и побудила расширить ее, что позволяло в какой-то мере снижать темпы японских приготовлений к войне против Советского Союза. Летом 1939 г. в Китае находились более 4000 советников, инструкторов, военных летчиков и авиатехников[3].

---

[1] Цит. по: TSRS – Vokietija (СССР – Германия), 1939–1941: Сб. документов и материалов. В 2-х т. Вильнюс: Мокслас, 1989. Т. 2. 1939–1941. С. 59.

[2] См.: там же. Т. 1: 1939. С. 100; Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939 / Пер. с нем. М., 1990. С. 319–321.

[1] См.: Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 129.

[2] Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. С. 278.

[3] См.: Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 108; Зимонин В.П., Кузеленков В.Н., Логинов А.А., Нагаев И.М. Герои Хасана. М., 2008. С. 120.

К сожалению, в том, что касается позиции стран западной демократии, которые были в состоянии вместе с Советским Союзом в зародыше ликвидировать замыслы Японии на мировую экспансию, принципиальных изменений не произошло. Западные державы вновь не сделали необходимых выводов из своей умиротворенческой, а по сути – подстрекательской политики в отношении Японии и отказались от сотрудничества с СССР. «Но если на Западе развернулась война слов, угрожавшая в любой момент перерасти в вооруженный конфликт, на Востоке, – подчеркивает современный американский историк М. Парилло, – уже вовсю шла "горячая" война между Красной Армией и войсками имперской Японии. Именно военная кампания, которая развернулась на просторах Маньчжурии [Монголии. – *В.З.*], показывает взаимосвязь между двумя грандиозными театрами необузданных военных действий индустриальной эры»[4].

Бои у оз. Хасан. 1939.

Оз. Хасан. Знамя над Заозерной. 1939.

Летом 1939 г. состоялись англо-французские штабные переговоры. На них стороны попытались найти выход из тупика, в котором оказалась политика западных держав на Дальнем Востоке в результате антисоветизма и поощрения агрессора. Однако и на этих переговорах было решено проводить здесь оборонительную стратегию, а в сковывании Японии «положиться на Советский Союз и особенно Соединенные Штаты»[5], то есть ставка по-прежнему делалась на антисоветскую направленность японской агрессии и на возможность подключения США к войне в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С разработкой плана агрессии против СССР «Хати-го» Япония развернула пропагандистскую кампанию, целью которой являлось убедить японское и международное общественное мнение в том, что СССР намеревается использовать МНР в качестве плацдарма для большевизации Внутренней Монголии, Маньчжоу-го и Китая[6]. Необъявленная война против МНР и СССР в районе Халхин-Гола использовалась правящими кругами Японии для поощрения западных держав к продолжению и активизации политики умиротворения Японии. Ради поворота японской агрессии против СССР западные державы были готовы пойти на новые уступки Японии. Японцы же со своей стороны не хотели упустить возможность шантажировать Запад. Поэтому существует достаточно оснований считать, что японские лидеры рассматривали свою халхинголскую авантюру как важный козырь в затеянной ими сложной дипломатической игре. Это подтверждают и японские документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике» Квантунской армии в связи с началом событий на границе МНР была сделана следующая запись: «Это ... является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»[1]. 16 мая 1939 г., спустя 5 дней после начала агрессии против МНР в Токио с Японией начали переговоры и США. Американский посол Дж. Грю и министр иностранных дел Японии Х. Арита подняли в ходе переговоров вопрос об улучшении американо-японских отношений в новой ситуации[2].

Халхин-Гол. 1939 г. На командном пункте 1-й армейской группы.

Красная армия в боях у Халхин-Гола. 1939.

Но у японского руководства была и другая цель. Дело в том, что как раз в это время среди влиятельных кругов германского руководства стали нарастать весьма скептические настроения относительно военных возможностей своего дальневосточного союзника, что продемонстрировали события у озера Хасан. С другой стороны, среди влия-

---

[4] Цит. по: Парилло М. «И им суждено сойтись». Халхин-Гол и Вторая мировая война // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы Международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории РАН, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра, Москва 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 137.

[5] Gibbs N. Grand Strategy. L., 1976. Vol. 1. P. 428.

[6] Coox A.D. Nomonhan. Japan Against Russia, 1939. Stanford (Calif.), 1985. Vol. 1. P. 147.

[1] Как отмечалось в первой части данной статьи, результатом этих переговоров было заключение в июле 1939 г. между Японией и Великобританией так называемого «соглашения Ариты – Крейги», вошедшего в историю как дальневосточный вариант мюнхенского соглашения. В нем английский посол в Токио от лица своего правительства полностью признал японские захваты в Китае. Такой шаг правящих кругов Великобритании в значительной степени был ускорен событиями в районе реки Халхин-Гол. Это соглашение свидетельствует и о двойной игре английского правительства, представители которого в тот момент готовились к англо-франко-советским переговорам о предотвращении агрессии Германии.

[2] См.: Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 28.

тельных кругов Берлина наметилось желание пойти на временное улучшение отношений с СССР даже в ущерб Антикоминтерновскому пакту и союзническим отношениям с Японией, которая «доказала свое бессилие в Китае»[3]. Наконец, внутри Японии среди военных нарастало недовольство отсутствием успехов в войне с Китаем. Поэтому японское руководство, идя на расширение военного конфликта в районе р. Халхин-Гол, с одной стороны, хотело доказать и союзникам, и недовольным внутри страны, что японская армия обладает высокими боевыми возможностями, и, с другой стороны, намеревалось подтолкнуть Германию к заключению военного соглашения, острие которого было бы направлено против СССР[4].

«Принуждение Японии к миру» – именно так следует назвать, используя современную терминологию, то, чего добился Советский Союз, проявив твердость в событиях у реки Халхин-Гол – альтернативой этому могли стать гибель Монголии, вторжение Японии в Прибайкалье и начало тяжелой Отечественной войны советского народа у восточных рубежей СССР намного раньше начала агрессии Германии. С другой стороны, СССР продемонстрировал Германии неспособность Японии вести масштабную войну против него, а сама Германия еще была в то время не готова в одиночку выступить против Советского Союза, что, вместе взятое, и вынудило А. Гитлера инициировать переговоры по договору о ненападении. И.В. Сталин смог чутко уловить своеобразие сложившейся ситуации и умело воспользовался ею и переговорами по договору для недопущения скоординированных действий Германии и Японии.

Значение такого развития событий в Монголии многие исследователи явно недооценивают. «Халхин-Гол, – считает, однако, М. Парилло, – был сражением в сердце Азии... Оно происходило в тот момент, когда внимание всего мира было приковано к событиям в другой части планеты. Поэтому его скрытый смысл часто оставался незамеченным или недооцененным. На самом деле Халхин-Гол был одним из решающих факторов, определивших ход Второй мировой войны»[1].

Проанализировав ход боевых действий у реки Халха, японское военно-политическое руководство сделало вывод о том, что императорская армия не готова к единоборству с Красной Армией. «Японии потребуется еще, по меньшей мере, два года, чтобы достичь уровня техники, вооружения и механизации, который продемонстрировала Красная Армия в боях у Номонхана [в районе реки Халхин-Гол. – *В.З.*]», – говорил германскому послу в Токио О. Отту премьер-министр Ф. Коноэ после очередного его прихода к власти в июле 1940 г.[2].

Фумимаро Коноэ (1891–1945), премьер-министр Японии в 1937–1939 и 1940–1941 гг. Фото 1938 г.

Прием в Берлине японской военной делегации 31 января 1940 г.

Это свидетельствовало о том, что угроза Советскому Союзу с востока отнюдь не исчезла. Тем не менее, из-за выявившейся слабости японской армии решение «северной проблемы» было отложено до начала неизбежного столкновения фашистской Германии с Советским Союзом[3]. Однако эту «неизбежность» удалось отодвинуть почти на два года.

А пока же неопределенность ситуации в Европе и недоверие со стороны советского руководства к Германии не только не исчезли, но и возросли сразу после нападения вермахта на Польшу 1 сентября 1939 г. С началом войны И.В. Сталин в своих планах и действиях исходил не столько из комплекса договоренностей, связанных с договором от 23 августа, сколько из реального развития событий. Важнейшими факторами, оказавшими влияние на последующие решения советского руководства, были молниеносный разгром польской армии вермахтом, ошеломивший всю Европу, и «странная война» на Западе вместо ожидавшихся активных действий

---

[3] Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. В. Гаврилов. М., 2008. С. 97–98.

[4] Советский военный разведчик Рихард Зорге в июне 1939 г. информировал Москву, что согласно японским предложениям о заключении военного пакта между Германией, Италией и Японией, в случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР, при этом против него будут брошены «все японские силы». В случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также автоматически присоединится к Германии и Италии, но «не выйдет дальше Сингапура». (См.: Военная разведка информирует... С. 108–109).

[1] Цит. по: Парилло М. «И им суждено сойтись»… С. 145.

[2] Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 182.

[3] Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences, Stanford, Calif., 1967. P. 5.

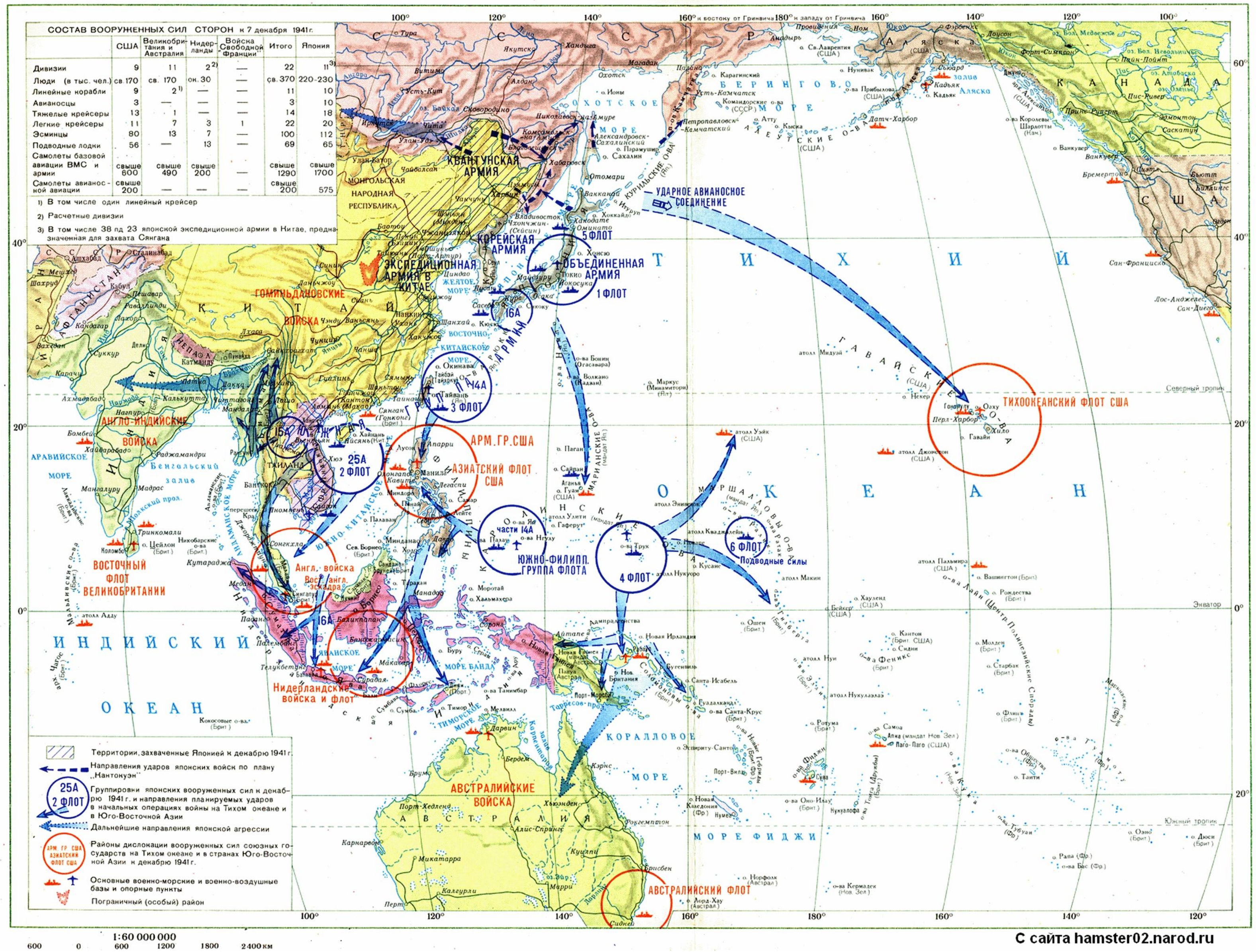
С сайта http://hamster02.narod.ru/014.jpg

Помощь Советского Союза Китаю в борьбе против японской агрессии. 1938–1939.

Японская империя к декабрю 1941 г.
С сайта
http://dergachev.ru/Landscapes-of-life/Imperial-geopolitics/17.html

Император Хирохито (1901–1989)

Осами Нагано (1880–1947), японский маршал и адмирал флота, начальник генерального штаба Императорского флота Японии в период Второй мировой войны.



	США	Великобритания и Австралия	Нидерланды	Войска „Свободной Франции"	Итого	Япония
Дивизии	9	11	2 2)	—	22	11 3)
Люди (в тыс. чел.)	св. 170	св. 170	ок. 30	—	св. 370	220-230
Линейные корабли	9	2 1)	—	—	11	10
Авианосцы	3	—	—	—	3	10
Тяжелые крейсеры	13	1	—	—	14	18
Легкие крейсеры	11	7	3	1	22	20
Эсминцы	80	13	7	—	100	112
Подводные лодки	56	—	13	—	69	65
Самолеты базовой авиации ВМС и армии	свыше 600	свыше 490	свыше 200	—	свыше 1290	свыше 1700
Самолеты авианосной авиации	свыше 200	—	—	—	свыше 200	575

Агрессивные планы Японии. 1941.

противоборствующих сторон. Англия и Франция, объявив под давлением общественности войну Германии лишь 3 сентября, бездействовали, несмотря на настойчивые обращения за помощью польского руководства, до конца событий в Польше.

Как вся эта картина должна была представляться Москве? Почему бездействуют «лучшие друзья» Польши? Будут немцы выполнять договоренности или нет? Выяснением немецкой позиции заполнена переписка с германским МИДом в первой половине сентября.

Только после объявления войны Англией и Францией И. Риббентроп начал настойчиво предлагать СССР ввести войска в Польшу. Германские лидеры рассчитывали на то, что западные державы в таком случае объявят войну и Советскому Союзу, он окажется втянутым в войну на стороне Германии и вместе с ней разделит вину за ее развязывание. На предложение Риббентропа от 3 сентября о желательном вводе советских войск в Восточную Польшу В.М. Молотов 5 сентября ответил, что время для этого «не наступило». В то же время он напомнил Риббентропу о необходимости соблюдения немцами установленной демаркационной линии[4]. На последующие запросы Риббентропа о «военных намерениях советского правительства» Молотов также отвечал уклончиво.

Тем временем обстановка все более драматизировалась. Войска вермахта стремительно продвигались вглубь Польши. 4 сентября немецкие соединения вышли к Висле, 7 сентября – к реке Нарев, 8 сентября их передовые части подошли к окраинам Варшавы. 15 сентября немцы взяли Люблин и вышли к Бресту. Польское правительство настойчиво просило своих союзников о помощи. Англия и Франция реальной помощи не оказали. Франция, которая по франко-польскому договору о взаимопомощи от 19 мая 1939 г. должна была с началом войны немедленно развернуть действия авиации, на третий день – начать частичное наступление сухопутных войск, а на 15-й день – широкое наступление главными силами, своих обязательств не выполнила.

Англия ограничилась переброской четырех дивизий во Францию и заявлением о моральной поддержке. На Западном фронте развернулась «странная война».

Польская армия и гражданское население оказали героическое сопротивление захватчикам. Мужественно сражался гарнизон Вестерплатте. 193 польских патриота 6 дней отражали атаки крупных сил противника. 12 дней оборонялась Гдыня, продолжалась героическая оборона Варшавы.

Однако к середине сентября управление страной и вооруженными силами со стороны польского правительства и военного командования было нарушено. К этому времени правительство Польши (14 сентября) и верховное командование ее армии (16 сентября) покинули Варшаву и находились на юго-востоке страны в городке Куты в готовности перейти румынскую границу. Страна была полностью дезорганизована: потоки беженцев и колонны войск в беспорядке двигались на восток и юго-восток. Армии вермахта заняли всю Западную и Центральную Польшу, а в ряде мест вели боевые действия дальше линии, установленной секретным протоколом, в непосредственной близости от советской границы.

Обстановка требовала неотложного принятия не-

Немецкие войска пересекают реку на пути в Брест. Сентябрь 1939.

Немецкая пехота на окраинах Варшавы. Сентябрь 1939.

Польские зенитчики под Варшавой 2 сентября 1939 г.

В захваченной немецкими оккупантами Варшавской цитадели. Сентябрь 1939. Фото с сайта http://www.istmira.com/.../Vsemirnaya-istoriya--Tom-10.html

[4] См.: TSRS – Vokietija... T. 1. C. 81.

Части РККА пересекают советско-польскую границу. Фото с сайта http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=147661&PORTAL_ID=7462&SECTION_ID=6334

Советская кавалерия в Западной Белоруссии, 1939 г.

Советские танки в районе Городца (Западная Белоруссия). 1939 г.

Речь Э. Рыдз-Смиглы. 17 сентября 1939.

легких решений. На первый план выдвинулись два вопроса: когда и как ввести советские войска на территорию Польши и как объяснить этот ввод советскому народу и всему миру? Существовала опасность, что Англия и Франция объявят войну и СССР, если Красная Армия перейдет польскую границу. Советское руководство, видя бездействие архитекторов мюнхенского сговора, опасалось и попасть в ловушку нового «мюнхена», так как, объявив Германии войну, Англия и Франция фактически помощи Польше не оказывали. Это наводило на мысль о возможности их новой антисоветской сделки с Гитлером, но уже за счет Польши.

В этой обстановке срок вступления советских войск в Польшу определили два фактора: достижение перемирия с Японией 16 сентября и потеря польским правительством управления страной, что в складывавшихся условиях в Восточной Польше выдвигало задачу защиты населявших ее братских украинского и белорусского народов да и собственных границ.

Только тогда И.В. Сталин решился ввести войска в Польшу. 17 сентября в 5 часов 40 минут войска РККА получили приказ перейти советско-польскую границу и продвигаться к рубежу рек Писса, Нарев, Висла и Сан.

Об одном из мотивов, побудивших советское правительство направить свои войска в Польшу именно в этот момент, свидетельствует запись упоминавшейся беседы И.В. Сталина с В. Шуленбургом 18 сентября. В беседе с послом Сталин выразил «определенные сомнения, относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться московского соглашения в соответствующее время и *вернется ли на линию* [курсив мой – *В.З.*], которая была определена в Москве (Писса – Нарев – Висла – Сан)». «Его беспокойство, – докладывал Шуленбург в МИД Германии, – было основано на том хорошо известном факте, что все военные неохотно возвращают захваченные территории». Посол просил уполномочить его «сделать дополнительное заявление такого характера, которое рассеяло бы его [Сталина – *В.З.*] сомнения»[1]. Из этих документов видна обеспокоенность И.В. Сталина ходом событий, его подозрительность в отношении действенности достигнутых в Москве договоренностей.

Что касается Польши, то в ноте правительства СССР, врученной польскому послу в Москве 17 сентября, было, в частности, сказано, что «Польша превратилась в удобное поле для военных случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам»[2]. Война Польше при этом не объявлялась. Одновременно послам 24 стран, имевших дипломатические отношения с Советским Союзом, было заявлено, что СССР продолжает сохранять нейтралитет в войне.

Правительство и военное командование Польши, оценив реальные события, констатировали, что условий для признания существования повода к войне нет, т.е. Польша не находится в состоянии войны с Советским Союзом и подтвердили, что все силы надлежит сконцентрировать для продолжения сопротивления немецким захватчикам. Был издан приказ Верховного командующего маршала Э. Рыдз-Смиглы войскам, в котором предписывалось: «С Советами в бои не вступать, только в случае наступления с их стороны или в случае попыток разоружения наших частей; …в этом случае нужно с ними

[1] Цит. по: TSRS – Vokietija... T. 1. C. 100.
[2] Цит. по: Правда. 1939. 18 сентября.

вести переговоры с целью вывести гарнизоны в Румынию и Венгрию»[1]. В ночь с 17 на 18 сентября польское правительство перешло польско-румынскую границу.

Что касается населения страны, то реакция на ввод советских войск не была однозначной. В польской части общества вступление Красной Армии вызвало большей частью негативную и даже враждебную реакцию.

Отдельные части и соединения польской армии оказывали вооруженное сопротивление, что приводило к гибели военнослужащих с обеих сторон и появлению значительного числа польских военнопленных. Однако этнические украинцы и белорусы Западной Украины и Западной Белоруссии встречали воинов Красной Армии как своих освободителей с хлебом, солью, цветами, красными флагами.

В те же сентябрьские дни шли интенсивные советско-германские переговоры. 19 сентября В.М. Молотов дал понять В. Шуленбургу, что «первоначальное намерение, которое вынашивалось советским правительством и лично Сталиным, – допустить существование остатков Польши – теперь уступило место намерению разделить Польшу по линии рек Писса, Нарев, Висла, Сан»[2].

В результате этого предложения 23 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором говорилось, что «Германское правительство и Правительство СССР установили демаркационную линию между германскими и советскими армиями, которая проходит по реке Писса, до ее впадения в реку Нарев далее по реке Нарев, до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг, до ее впадения в реку Висла далее по реке Висла, до впадения в нее реки Сан и далее по реке Сан, до ее истоков»[3].

Выдвижение советских войск на этот рубеж началось с рассветом 23 сентября. Последовательно принимались от германского командования оставляемые их войсками районы, пункты, города. К 29 сентября советские части и соединения вышли на согласованный рубеж, где и были по приказу советского правительства остановлены.

Непросто обстояло дело и с Прибалтикой. По секретному протоколу от 23 августа Латвия и Эстония отходили в сферу интересов СССР. Однако в момент подписания протокола дальнейшая политика СССР в отношении этих стран еще не была четко определена. А события стремительно нарастали. 20 сентября Гитлер принял решение превратить в ближайшее время остатки Литвы в протекторат Германии, а 25 сентября подписал директиву № 4 о сосредоточении войск в Восточной Пруссии в готовности вторгнуться в эту прибалтийскую страну. В тот же день И.В. Сталин, проявив твердость, потребовал через посла В. Шуленбурга возобновления переговоров.

Это возымело действие: через два дня И. Риббентроп прилетел в Москву. В ходе переговоров 27–28 сентября стороны выработали условия нового советско-германского договора, который был подписан 28 сентября. Согласно этому договору, была частично изменена граница сферы интересов двух государств (не по Висле, а примерно по линии рек Нарев, Буг, Сан). При определении этой границы СССР руководствовался этническими принципами, а также целью поставить преграду для дальнейшего продвижения Германии на Восток. Литва и другие соседи Советского Союза по Балтике были включены в сферу интересов СССР.

Девушки белорусской деревни беседуют с бойцом Красной армии. Фотохроника ТАСС. 1939. С сайта http://rgakfd.alt-soft.spb.ru/showSubObjects.do?object=1803589231

Красноармейцы беседуют с военнопленными польскими солдатами. Фотохроника ТАСС. 1939. С сайта http://rgakfd.alt-soft.spb.ru/showSubObjects.do?object=1803589231

Раздача жителям города Тарнополя советских газет, 1939 г. Фото с сайта http://www.istorya.ru/book/pakt/13.php.

Граница же (именно граница) между СССР и Германией устанавливалась примерно по так называемой «линии Керзона», признанной в свое время Англией, США и Польшей еще на Парижской конференции 1920 г. Советскому Союзу не были нужны никакие спорные территории, и к 9 октября 1939 г. все части и соединения советских войск, которые зашли дальше установленной границы, были отведены на восток.

Предложение И.В. Сталина провести границу не по Висле, а по международно-признанной Парижской

[1] Цит. по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 87.
[2] Цит. по: TSRS – Vokietija... T. 1. C. 104.
[3] Цит. по: Там же.

конференцией «линии Керзона» было направлено на то, чтобы четко обозначив пределы гитлеровской агрессии на Восток, сохранить при этом по возможности хорошие отношения с Германией, превосходящая военная мощь которой не вызывала сомнений[1].

Августовский пакт и сентябрьский договор сделали германо-советские отношения более насыщенными. Вместе с тем, с этого момента в истории советско-германских отношений начался и отличавшийся полнейшим недоверием друг к другу период, продолжавшийся 22 месяца, вплоть до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г.

Западная Белоруссия и Западная Украина влились в состав СССР, Москва получила свободу действий в Прибалтике. СССР смог решить территориальные вопросы с Финляндией (также входившей в сферу интересов СССР), не опасаясь вмешательства Германии, но с безусловным расчетом на вероятную в будущем агрессию Гитлера против Советского Союза.

Итак, события, связанные с подготовкой к подписанию договора о ненападении происходили в обстановке, когда ни для кого не было секретом, что вот-вот должна была начаться агрессия вскормленной мюнхенской политикой Германии против Польши, а переговоры о создании советско-франко-английской антигитлеровской коалиции не давали результата. На позиции советского руководства существенное влияние оказывало также продолжающееся четвертый месяц вооруженное противоборство с Японией. Договор о ненападении между СССР и Германией во многом повторял содержание договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией 1926 г. С международно-правовой точки зрения он был законным, действительным и правомерным, и заключение такого договора было вполне нормальным явлением. Пакт был опубликован, прошел ратификацию, был признан другими государствами и международными организациями и потерял свою силу 22 июня 1941 г. в результате гитлеровской агрессии против СССР, за что Германия понесла заслуженное наказание. Что касается протокола к пакту, то его секретность, конечно, нарушала нормы международного права, но в условиях попрания практически всеми без исключения ведущими державами морально-этических и правовых норм и распространения практики закулисных соглашений Германии с другими странами, это в те времена не казалось слишком предосудительным. Заключение договора предоставило неготовому к войне Советскому Союзу крайне необходимую почти двухлетнюю передышку. Другое дело, как советское руководство смогло воспользоваться этим драгоценным временем, но это уже тема другого исследования.

* * *

Все вышеизложенное убедительно свидетельствует об отсутствии у СССР в 1930-х годах каких-либо агрессивных планов. Советский Союз сам подвергался реальной военной угрозе со стороны агрессивных стран, включая Германию, Японию и Польшу. Более того СССР смог в годы Второй мировой войны не только внести решающий вклад в победу союзников над агрессорами, но и обеспечил восстановление польской государственности. Лишь далекая от реальности, амбициозная внешняя политика Варшавы, нежелание ее идти на заключение международных договоров и соглашений, направленных на обуздание агрессоров, в рядах которых находилась и сама Польша, привела польских лидеров к краху, а польский народ к утрате независимости, горю и страданиям в ходе мировой войны. Появление большого числа военнопленных – также результат этой недальновидной, подпитывавшейся фобическим отношением к России политики польского руководства. Большинство польских военнопленных смогли не только выжить в советском плену, но и вступить в составе польских формирований на борьбу с нацизмом. Трагедия оказавшихся в районе попавшей под немецкую оккупацию Катыни польских военнопленных не может не вызывать сочувствия у современных россиян. Но, во-первых, многочисленные, в том числе международные с участием польской стороны и чисто польские, комиссии так и не смогли привести исчерпывающие доказательства виновности СССР в гибели свыше 20 тысяч польских военнопленных – при том, что существует множество доказательств, в том числе зафиксированных Нюрнбергским трибуналом над нацистскими преступниками, виновности в их гибели немецких оккупационных войск, а во-вторых, следует признать, что даже те польские пленные, которые были расстреляны в советских лагерях (их точное число юридически так и не установлено, но по большинству оценок, оно не превышает четырех тысяч человек – по данным Л.М. Кагановича, 3196 чел. – из свыше 200 тыс. плененных[2]), являлись непримиримыми противниками Советского государства и в условиях вероломной агрессии Германии против СССР представляли для него реальную угрозу, что, однако, не оправдывает случаев внесудебной расправы над некоторыми из них.

Следует только приветствовать наметившуюся тенденцию к улучшению российско-польских отношений. Более того, в условиях все более обостряющейся не без участия НАТО международной ситуации наметились перспективы осуществления трехсторонних проектов России, Польши и Германии и запуска ими совместных инициатив в различных практических областях, нацеленных на активизацию сотрудничества по линии внешнеполитических ведомств, парламентских и межрегиональных обменов, в том числе по актуальной повестке дня отношений Россия – Евросоюз и Совет Россия – НАТО.

Однако достичь взаимопонимания и восстановления некогда братских российско-польских отношений возможно, лишь если оба государства и народа пройдут на встречных направлениях сложный, отмеченный периодами недомолвок, подозрений и вражды путь признания своих ошибок и покаяния за содеянное много десятилетий тому назад. Россия прошла значительную часть этого пути, признав ряд совершенных ошибок и преступлений, в том числе связанных с катыньской трагедией. К сожалению, с польской стороны не отмечается никаких признаков переоценки надуманных ценностей, равно как и попыток осмысления собственных ошибок и преступлений в отношении многие годы живших рядом народов России.

В этой ситуации окончательно поставить точки над «i» в судьбе польских военнопленных может лишь тща-

[1] См.: Там же. С. 105.

[2] См. об этом подробнее: Тайны катынской трагедии: Материалы «круглого стола» по теме «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты», проведенного 19 апреля 2010 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2010. С. 24, 38, 64–65, 73.

тельно проведенное судебное разбирательство. В свете огульных обвинений в адрес СССР с польской стороны и наличия большого числа фальсификаций со стороны некоторых отечественных исследователей этой проблемы такой судебный процесс представляется крайне необходимым. Только открытое, полное и ясное предоставление польской и российской общественности юридически бесспорных выводов из результатов судебного расследования катыньской трагедии, также как и обстоятельств гибели нескольких десятков тысяч советских военнопленных в польском плену в 1919–1921 гг., способно снять негативные наслоения в российско-польских отношениях, восстановить доверие и дать толчок к масштабному сотрудничеству двух стран и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. В. Гаврилов. М.: МФК, 2008.
   Voennaya razvedka informiruet. Dokumenty Razvedupravleniya Krasnoi Armii. Yanvar' 1939 – iyun' 1941 g. Sost. V. Gavrilov. MFK, Moskva. 2008.
2. Зимонин В.П. Канун и финал Второй мировой войны: Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру (историографический анализ). М.: ИДВ РАН, 2010.
   Zimonin V.P. (2010). Kanun i final Vtoroi mirovoi voiny: Sovetskii Soyuz i prinuzhdenie dal'nevostochnogo agressora k miru (istoriograficheskii analiz). IDV RAN, Moskva.
3. Зимонин В.П. Принуждение агрессора к миру: Советский Союз и победная точка во Второй мировой войне. Смоленск: Маджента, 2011.
   Zimonin V.P. (2011). Prinuzhdenie agressora k miru: Sovetskii Soyuz i pobednaya tochka vo Vtoroi mirovoi voine. Madzhenta, Smolensk.
4. Зимонин В.П., Кузеленков В.Н., Логинов А.А., Нагаев И.М. Герои Хасана. М.: Патриот, 2008.
   Zimonin V.P., Kuzelenkov V.N., Loginov A.A., Nagaev I.M. (2008). Geroi Khasana. Patriot, Moskva.
5. Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2002.
   Mirovye voiny XX veka. V 4 kn. Kn. 3. Vtoraya mirovaya voina. Istoricheskii ocherk. Nauka, Moskva. 2002.
6. Парилло М. «И им суждено сойтись». Халхин-Гол и Вторая мировая война // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы Международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории РАН, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра, Москва 3–4 февраля 2005 г. М.: «Права человека», 2006.
   Parillo M. (2006). «I im suzhdeno soitis'». Khalkhin-Gol i Vtoraya mirovaya voina. In: Mezhdunarodnyi krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniya Germanii na SSSR. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, organizovannoi Institutom vseobshchei istorii RAN, Universitetom Latvii, Institutom sovremennoi istorii (Myunkhen), Moskovskim otdeleniem Fonda im. Konrada Adenauera, Moskva 3–4 fevralya 2005 g. «Prava cheloveka», Moskva.
7. Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989.
   Sipols V.Ya. (1989). Diplomaticheskaya bor'ba nakanune Vtoroi mirovoi voiny. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moskva.
8. Советский Союз: накануне великих испытаний. М.: Изд-во ГУП «Клинцовская городская типография», 2004.
   Sovetskii Soyuz: nakanune velikikh ispytanii. Izd-vo GUP «Klintsovskaya gorodskaya tipografiya», Moskva. 2004.
9. Тайны катынской трагедии: Материалы «круглого стола» по теме «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты», проведенного 19 апреля 2010 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. М.: Изд-во «Москва», 2010.
   Tainy katynskoi tragedii: Materialy «kruglogo stola» po teme «Katynskaya tragediya: pravovye i politicheskie aspekty», provedennogo 19 aprelya 2010 goda v Gosudarstvennoi Dume Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii. Izd-vo «Moskva», Moskva. 2010.
10. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939 / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
    Flyaishkhauer I. (1990). Pakt. Gitler, Stalin i initsiativa germanskoi diplomatii 1938–1939. Per. s nem. Progress, Moskva.
11. Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М.: ИКЦ Академкнига, 2009.
    Khalkhin-Gol. Issledovaniya, dokumenty, kommentarii. K 70-letiyu nachala Vtoroi mirovoi voiny. IKTs Akademkniga, Moskva. 2009.
12. TSRS – Vokietija (СССР – Германия), 1939–1941: Сб. документов и материалов. В 2 т. Вильнюс: Мокслас, 1989.
    TSRS – Vokietija (SSSR – Germaniya), 1939–1941: Sb. dokumentov i materialov. V 2 t. Vil'nyus: Mokslas, 1989.
13. Coox A.D. Nomonhan. Japan Against Russia, 1939. Stanford (Calif.), 1985. Vol. 1.
14. Gibbs N. Grand Strategy. L., 1976. Vol. 1.
15. Glantz D. Soviet Military Strategy vis a vis Japan (1921-1945) (An American Perspective) / Paper presented to IVth Simposium on the Soviet-American Cooperation in World War II. New Brunsweek (New Jersy), Rutgers University. October 1990.
16. Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences, Stanford, Calif., 1967.